

D. Vasilieva
Ulan-Ude, Russia

**Architectural heritage of wooden architectonics
of Old Believers in Tran-Baikal region:
comparative analysis**

Article is devoted to comparison and detection of characteristic distinctions of the traditional dwelling of three groups of the Russian population of Transbaikalia: old residents, Cossacks and semeyskikh (Old Believers). Research reveals nyuansirovanny and at the same time essential distinctions in dwellings which are one of criteria in case of division of the Russian population of Transbaikalia into three separate groups.

The author notes that in Transbaikalia was observed close cultural, ethnic interrelation of the population which was expressed in construction and arrangement of the dwelling, in its registration. In residential and economic constructions the rich cultural heritage of the people, their centuries-old life experience and practical feasibility is accumulated.

В.В. Кобко
Владивосток, Россия

**ОТ ВЕТКИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.
МИГРАЦИОННЫЕ ПУТИ И ОСОБЕННОСТИ
ФОРМИРОВАНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ**

Информация о начальном этапе заселения территории – ключевая информация в любых этнографических исследованиях.

Основа старообрядческого населения Приморья была заложена в 1860–1880-х гг. тремя региональными группами: семейскими старообрядцами из Забайкалья, старообрядцами из Среднего Поволжья (Саратовская и Самарская губернии) и Вятской губернии. Компактными поселениями семейских старообрядцев в Приморье в это время стали села Ильинка и Красный Яр. Совсем скоро, уже в начале 1870-х гг., волжская и вятская группы старообрядцев объединились в одно сообщество (в дальнейшем «даубихинская группа», или «даубихинцы»; так еще до сих пор продолжают себя называть потомки старожилов, живущих за рубежами России), обосновавшись в 1887 г. в долине реки Даубихэ (ныне река Арсеньевка) в селах Петропавловка, Таежка, Виноградовка, хутора Халаза, Семейный. Состав этой территориальной группы сохранялся вплоть до ее исхода из Приморья в Маньчжурию в начале 1930-х гг.

Долгожданное знакомство¹ с потомками этой группы, живущей сегодня в Хабаровском крае и за рубежами России, дало неожиданную информацию. Оказалось, что более ранним местом проживания выходцев из Самарской и Саратовской губерний (Калугиных, Андреевых, Павловых, Гостевских, Прохоровых и др.) была Ветка. Вспоминает В.С. Калугин (Австралия): «Деды убежали от преследований в Польшу, потом уж разрешили ехать в Россию. На Зее поселились. Жили недолго. Потом в Петропавловку, Халаза»². «Ветковское» происхождение многих семей из

¹ Знакомство со старожильческими группами приморских старообрядцев, покинувшими край в начале 1930-х гг. и живущими сегодня в разных странах мира и Хабаровском крае России, произошло в 2004–2008 гг. в связи с работой над международным проектом «Дни в Романовке».

² Полевой дневник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (далее ПД ПГОМ) 2008. С. 122.

«даубихинской группы», переселенцев из Поволжья, во многом объясняло их явно особые отношения с семейскими старообрядцами: транзитные остановки в Забайкалье по пути на Дальний Восток, давние родственные связи и новые брачные контакты, ближние соседские поселения. Правда, стоит оговориться, что слияния их в единое сообщество так и не произошло.

В свете открывшейся информации интересно было проследить «ветковский» компонент в региональном составе небольших дисперсных старообрядческих групп в миграционных потоках, направлявшихся на Дальний Восток.

«Родственно-земляческие связи и налажавшиеся на них профессиональные играли выдающуюся роль во всех миграционных движениях старообрядцев, формировании старообрядческих поселений»³. Эта особенность «очагово-диаспорных» передвижений пути старообрядческих миграций уже давно успешно используется учеными для выявления миграционных путей старообрядцев⁴.

В качестве массовых источников фамилий приморских старообрядческих семей были использованы материалы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Государственного архива Приморского края, полевые материалы Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева (1986–2013 гг.). Основным источником фамилий старообрядцев – выходцев из Ветки, послужил «Свод фамилий старообрядцев «поляков» с.Екатерининская, д.Бобровская, Верх-Убинская, д.Секисовская, с.Шемонаевское, д.Староалейское. Кон. XVIII в.», а также фамилии старообрядцев-семейских, жителей разных старообрядческих поселений Забайкалья 1746–1795 гг., 1859 г., 1882 г., фамилии старообрядцев-семейских, переселившихся в Приморский край в середине XIX в. – 1930-х гг. (ср. Красный Яр и Ильинка)⁵. На их основе было составлено два базовых списка

3 Т.С. Мамсик. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск, 1989. С. 34.

4 Т.С. Мамсик. Поволжье и Приобье: очаги раннего культурного взаимодействия. XVII – середина XIX в., from <http://history.nsc.ru/kapital/project/kotel/004.html>; А.А. Пригарин. Русские старообрядцы на Дунае. Формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса – Измаил – Москва, 2010.

5 «Свод фамилий старообрядцев «поляков» конца XVIII в. Усть-Каменогорского округа» from <http://rodasi.ucoz.ru/publ/>; Ф.Ф. Болонев. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М., 2004. С. 290–325; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее РГИА ДВ). Ф.1 Оп. 4 Д. 2281. Л. 19–20; РГИА ДВ. Ф. 1 Оп. 1 Д. 1514. Л. 80 об. – 85; РГИА ДВ. Ф. 1 Оп. 5 Д. 579. Л. 126–179; ПД ПГОМ 1986–2013. №№ 1–3.

старообрядцев, выведенных из Ветки и поселенных на Алтае и в Забайкалье: 1) старообрядцы-«поляки» (Алтай), 2) старообрядцы «семейские» (Забайкалье). Списки приморских старообрядцев варьировались в зависимости от мест выхода (переселенцы из Среднего Поволжья, переселенцы из Томской губернии и т. д.). Сводный пофамильный список старообрядцев – переселенцев в Приморье приведен в Приложении.

Ветка (местность неподалеку от Гомеля, ныне в Белоруссии) и Стародубье (местность вокруг г. Стародуб в Черниговской губернии, ныне Брянская область России) – одни из самых ранних и крупных старообрядческих центров наряду с Выгом, Керженцем, Доном, Иргизом и Черемшанами, куда бежали старообрядцы от преследований официальных властей и церкви. Ветка и Стародубье, находившиеся в то время в пограничье Речи Посполитой и Российского государства, оказались наиболее подходящим местом для них: пустыньность, безлюдность этих территорий позволяли заново отстраивать свой мир. Близость границы давала надежду на спасение от преследований. Богатейшие монастыри и зажиточные поселения ветковских старообрядцев были разорены за время двух выгонок 1735 и 1764 гг.

Своеобразными маркерами бывших жителей Стародубья и Ветки были польские, а также двойные фамилии. Среди приморских старообрядцев, выходцев из Забайкалья, польские фамилии встречаются нередко: Бутковские, Каменские, Подлесские и т. д. Не менее известным фактом были двойные фамилии, которые еще помнило старшее поколение приморских старожилов. Смена фамилий была вынужденной мерой для убегающих от преследований из России сначала в Стародубье (в Малороссию), а потом на Ветку в Польшу. У дальневосточных старообрядцев этот факт зафиксирован нами впервые. В.С. Калугин: «Отец говорил, что наша старинная фамилия-то Шмелевы. А у Павловых была Жуковы, Виктора Степановича-то»⁶. Совсем недавно нам стала известна «старинная» фамилия рода Андреевых – Орловы⁷.

Феномен столь быстрого создания устойчивой территориальной «даубихинской» группы путем объединения волжской (в прошлом ветковской) и вятской старообрядческих групп позволил предположить, что они связаны общим прошлым. Вопрос о родине старообрядческих семей, выведенных из Польши в 1735–1764 гг.

6 ПД ПГОМ 2008. С. 122.
7 ПД ПГОМ 2013. С. 10.

(имеется в виду место их рождения до ухода на Ветку, Стародубье), поднимается исследователями очень давно. В разное время исследователи называли северные, центральные российские губернии и города. М. Швецова, обследовавшая в 1890-х гг. Змеиногогорский уезд Томской губернии, где были расселены старообрядцы – «поляки» из Ветки, сообщает, что сами старообрядцы называли в числе других и Вятскую губернию⁸. С 1970-х гг. стали известны новые архивные документы о местах прежнего жительства ветковских старообрядцев. Среди перечисленных мест упоминается Казанская губерния (включала Казанскую, Свияжскую, Пензенскую, Уфимскую, Вятскую, Соликамскую провинции). То есть Ветка в какое-то время могла объединять выходцев как из Поволжья, так и из Вятской губернии. Этот факт общего прошлого в региональной истории обеих групп, пусть пока косвенно, подтверждается продолжавшимися их родственными и земляческими связями после выгонки. Еще одним косвенным доказательством участия вятского компонента в этногенезе старообрядцев из Ветки может служить наличие в их культуре северных традиций. Если южные элементы культуры могли быть приобретены старообрядцами в ходе проживания их в пограничье трех стран Польши, то северные (вятские в том числе), вероятнее всего, могут свидетельствовать о прежней родине и местах выхода ветковцев из северных губерний России, вероятно и из Вятского края, так как именно через него с русского севера шли пути заселения средневожских земель и Предуралья.

В комплексном исследовании украинского ученого – историка А.А. Пригарина в числе многих проблем впервые анализируются основные направления старообрядческих миграций в Придунавье, ставшее новым центром дониконовского православия в Восточной Европе. По его мнению, уже в начале XVIII в. территория Ветковско-Стародубского Полесья воспринималась большинством ее насельников как транзитный район. Южное и юго-западное направления старообрядческих миграций определялись византийским вектором поиска благочестивой страны Беловодья и выливались в итоге в поиск архиереев. Один из вариантов легенды о Беловодье был известен у старообрядцев Подолья, Буковины, Добруджи как «Беловодье – Град Божий»,

⁸ М. Швецова. «Поляки» Змеиногогорского уезда // Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. 1899. С. 26–27.

«Новый Иерусалим»⁹. Кстати, топоним Иерусалимовка – единственный такой топоним на Дальнем Востоке – появляется в Приморье в районе компактных поселений забайкальских семейских на побережье Японского моря. Этим направлением в конце XVII – начале XVIII вв. в поисках священства шло население из Ветковско-Стародубских слобод в Молдово – Волошские земли, в Яссы и далее в Грецию. Внешние названия ветковско-стародубских старообрядцев «липоване» и «пилипонь» происходят, по одной из версий, от русского самоназвания «филиппонь», «филипповцы» по имени некоего дьяка или инокка Филиппа Ветковского, в 1720-х гг. агитировавшего переселиться с Ветки в местность ближе к Яссам в поисках благочестивого митрополита. Депутации старообрядцев в Яссы 1720–1730-х гг. закончились неудачей. Однако переселение состоялось, и в 1732 г. ветковский старец Авраамий указывал, что в Волошской земле «раскольников имеется с 70 слобод»¹⁰.

Заманчиво связать эту информацию с воспоминаниями приморцев («даубихинская» группа), тайно бежавших во время коллективизации и репрессий из Приморья в Китай и основавших там в 1930–1950-х гг. несколько поселений, в том числе и село Романовку. Один из краев этого села назывался Филиппинами. Там поселилось несколько семей, выходцев из Саратовской губернии Селитьбинской волости, района наиболее близкого к Иргизу и, как мы полагаем, также ветковского происхождения. Они уговаривали односельчан искать Беловодье и перебираться на Филиппины. «Мы их филиппинцами звали», – вспоминает В.С. Калугин¹¹. Возможно, в названии восточного государства, расположенного на более чем семи тысячах островов, удачно воплотились и отголоски воспоминаний о поисках благочестивого государства «филиппонами», «филипповцами», и островное его положение.

С придунайскими территориями связано переселение на Дальний Восток России зарубежных старообрядцев – «липован» из районов междуречья Днестра и Прута и бывших «казаков-некрасовцев» с Кубани. Их продвижение в этот район происходило почти одновременно. Уже в первой половине XVIII века отдельные группы староверов появились в пределах Османской

⁹ А.А. Пригарин. Русские старообрядцы на Дунае. Формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса – Измаил – Москва, 2010. С. 38–39, 413.

¹⁰ Там же. С. 38–39.

¹¹ ПД ПГОМ 2006. С. 26а; ПД ПГОМ 2008. С. 84.

(Турецкой) империи. На Дунае казаки-некрасовцы в основном расселились в Дунавцах и Сарикёй, а также в селениях Слава Черкасская, Журиловка, Некрасовка и др. После разгрома в 1775 г. Запорожской Сечи в тех же местах появились и запорожцы, потеснив некрасовцев. Позднее большая часть некрасовцев покинула Дунай и переселилась на о. Майнос. Оставшиеся в Добрудже некрасовцы были полностью поглощены значительно преобладающими по численности липованами. В ходе русско-турецкой войны 1806–1809 гг. часть некрасовцев Добруджи оказала помощь русской армии и добилась Указа Александра I, определившего условия возвращения некрасовских казаков в Россию и расселение их близ Измаила¹².

Одной из главных причин была обычная нехватка земли. Переговоры о переселении зарубежных старообрядцев в Россию начались еще в 1903 г. Будучи прекрасно осведомленным о колонизационных способностях старообрядцев, правительство посчитало правильной инициативу приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова о заселении с помощью зарубежных старообрядцев из Румынии, Австрии, Болгарии, Турции стратегически важной для России территории в северной Маньчжурии в связи со строительством КВЖД. Но земли в Маньчжурии для поселения зарубежных старообрядцев оказалось маловато. Пока пытались исправить ситуацию дополнительной закупкой земли, началась русско-японская война. К этой проблеме вернулись уже во времена премьерства Столыпина: с его помощью была осуществлена бесплатная поездка ходоков из Австрии и Румынии до Амура. В этой поездке старообрядцев-ходоков сопровождал старообрядческий священник о. Дмитрий Смирнов из Москвы. Работа по переселению зарубежных старообрядцев была проделана колоссальная, но вместо предполагаемых многих тысяч переселенцев на восток России переселилось едва ли более двух-трех тысяч старообрядцев, выходцев из Австрии и Румынии. Большая часть семей разместилась в Амурской области по реке Зее и ее притоку Селемдже (Климоуцы, Семеновка, Слава)¹³.

¹² From <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

¹³ М.Б. Сердюк. Переселение старообрядцев на Дальний Восток: проекты и их осуществление // *Алтарь России*. Владивосток – Большой Камень, 1997. Вып. 1. С. 44–47; Ю.В. Аргудьева. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 45–48; И.А. Ермацанс. Переселение в Амурскую область старообрядцев из Австрии в начале XX в. // *Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи*. Улан-Удэ, 2001. С. 260–261.

Приморская старообрядческая семья Денисовых повторила классический путь некрасовцев с Дона на Кубань, затем в Турцию, Румынию. По воспоминаниям главы семьи Семена Яковлевича Денисова, в Румынии они жили в с. Гончарке. Найти следы неизвестной Гончарки помог нам профессор-лингвист из Румынии Иван Евсеев: «Гончарка находится в северной Добрудже, у подножья очень старых гор, называемых горы Мэчина. Возможно, что первоначально здесь жили русские старообрядцы казаки-некрасовцы, но в конце XVIII – начале XIX вв. их здорово потеснили запорожские казаки. Между некрасовцами и запорожцами были кровавые столкновения, которые потребовали энергичного вмешательства турецкого султана»¹⁴. Перед Первой мировой войной Денисовы переехали из Амурской области в Хабаровский край. Семья жила в Волочаевке, дед Яков работал в Хабаровске «почтарем». Семен Яковлевич от набора Колчака убежал в Китай, а потом был в партизанском отряде Шевчука, переселился в Приморье, обзавелся семьей¹⁵. Потомки Денисовых и сегодня живут в Приморье. Редчайшая рукописная книга «Апокалипсис» (конец XVII – XVIII вв.) – свидетель всех передвижений рода, подарена семьей Денисовых музею.

Нужно отметить, что следы донского казачьего прошлого мы находим у забайкальских семейских, переселившихся в Приморье. Так, среди забайкальцев, пришедших первыми на озеро Ханку, было несколько семей Спиридоновых. По семейным преданиям, Спиридоновы когда-то были выведены из Польши, но еще раньше жили на Дону. «И фамилия-то у нас такая – Спиридоновы, значит «Спиря с Дона»». Маршрут Спиридоновых и многих семей, шедших с ними в Амурскую область, пролегал через Тобольск. Придя в Амурскую область, группа разделилась. Одна часть семей повернула на реку Зею, другая – на озеро Ханку. В этой группе сохранились воспоминания об участии в русско-турецких войнах, о том, что казаки привозили себе жен – турецких пленниц. «Прадед мой Островский Андрей воевал с турками, жену себе привез – турчанку, женился на ней»¹⁶. Происхождение до сих пор сказывается во внешнем облике Спиридоновых. Одна из дочерей их большого потомства – Дарья, черноволосая

¹⁴ Личный архив автора, письмо И. Евсеева, 1999 г.

¹⁵ В.В. Кобко. Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Владивосток, 2004. С. 30.

¹⁶ ПД ПГОМ 1999. С. 67.

красавица с ярко-голубыми глазами, была отобрана в с. Красный Яр в числе других самых красивых девушек для встречи цесаревича Николая в г. Никольске-Уссурийском. В память об этом событии она получила золотую брошь¹⁷.

Заслуживает внимания интересный факт наличия особого таланта к коневодству, разведению породистых лошадей у приморских старообрядцев, выходцев из Ветки. Так, Спиридоновы, Кирилловы, Николаевы, Матвеевы, Калугины первыми поддержали русского предпринимателя М.И. Янковского, поляка по происхождению, в его усилиях по разведению породистых лошадей. Первая партия персидско-арабских лошадей была подарена для его конюшни Его Императорским Высочеством Николаем. Эта традиция коневодства была продолжена «даубихинской» группой и в Маньчжурии, куда они тайно бежали во времена коллективизации и репрессий: «У Петра Калугина рысак хороший бегал, у Андрея Мартюшева кобылица. Наперегонки на Масленицу ездили»; «В Романовке были породистые кони. У Петра Зиновеевича Калугина. Жеребец Измаил. Бегал – чё делалось! Ребятишки в разные стороны!.. От поезда не отставал. Один раз прямо перед поездом проскочил. У Мартюшева породистая кобылица была, рысачка. У Гуськова Корнилия, у Фролова тоже породистые жеребцы были... Специально за ними ездили в Харбин покупать, на ипподромы...»¹⁸.

Желание вернуть в пределы государства экономически сильное старообрядческое население возобладало над опасениями еще большего распространения раскола в России. Кнудом и пряником старались выманить беглецов из Польши. Последовали выгонки старообрядцев 1735 и 1764 гг., а Манифест Екатерины II 1762 г. обещал пожелавшим вернуться на родину высочайшее прощение, разрешение совершать обряды по дониконовским книгам и специальное выделение земель старообрядцев. По сенатскому Указу 1735 г. выведенные из-за рубежа беглые семьи старообрядцев рассылались по прежнему месту жительства¹⁹.

Есть в региональной истории старообрядчества Приморья множество старообрядческих семей, переселявшихся на Дальний Восток небольшими группами из разных российских губерний:

17 В.В. Кобко. Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX в. – 30-е гг. XX в.) Владивосток, 2004. С. 16.

18 ПД ПГОМ 2006. С. 15; ПД ПГОМ 2005. С. 49.

19 И.Н. Юркин. От города до города на прежних жилища, from <http://samatar-biblio.ucoz.ru/publ/110-1-0-315>.

Курской, Калужской, Рязанской, Черниговской, Харьковской, Астраханской, Казанской, Виленской, Могилевской, Гомельской, Санкт-Петербургской. Эти переселения, словно меченые атомы, свидетельствуют о местах выхода миграционных потоков на Дальний Восток и, по-видимому, связаны со временами выгонок с Ветки.

Курская губерния, входившая в середине XVIII в. в состав Белгородского наместничества (Белгородской губернии), была указана в Манифесте 1762 г. Екатерины II в числе мест для расселения старообрядцев. В 1764 г., после окончательного разорения Ветки, часть вернувшихся в Россию старообрядцев осела на белгородской земле, существенно увеличив там число местных приверженцев старины.

Точных документальных свидетельств о том, что род приморских Паньковых жил в Ветке, нет. В списке «польских» фамилий есть Пановы, но Паньковы – возможный вариант этой фамилии. Этимология фамилии в этом случае довольно прозрачна: «господин, помещик (в отношении к полякам)». Есть сведения, что Паньковы из Хабаровского края проживали в Гомельской губернии, ныне Белоруссия, Гомельская область, Ветковский р-н, д. Закружье²⁰. Наиболее ранним местом выхода приморских Паньковых, переселившихся в 1929–1930 гг. на северное побережье из Амурской области, была указана Самарская губ с. Н-Николаевка (1886 г.)²¹. Среди транзитных остановок на пути продвижения рода на Дальний Восток указаны г. Ташкент (1894 г.) и Томская губерния Барнаульский у. д. Ворониха (1902 г.)²². С помощью интернет-ресурсов мы смогли вписать приморских Паньковых в трехвековой путь рода на Дальний Восток. На сайте www.pankov.narod.ru собраны сведения о роде Паньковых / Паньковых. По данным Ревизских сказок, процитированных на сайте, в 1858 г. 40 семей Паньковых уже живут в д. Донской (позднее Золотухинский у.) Курской губернии. Кстати, там проживал еще один большой старообрядческий род Семенихиных, одна из ветвей которого в 1910-х гг. также переселилась в Приморье. По сведениям на 1862 г. шесть семей Паньковых переведены в Самарскую губернию. И это совпадает с нашими архивными данными.

20 From <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-9191.htm>; <http://pankov.narod.ru/regions/belarus.htm>.

21 Государственный архив Приморского края, далее ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1 Д. П–17923. Т. 1. Л. 18 об.

22 Там же. Л. 83, 83 об., 89, 89 об.

Малоземелье заставляет двинуться Паньковых на Восток. Пути ветвей старообрядцев рода Паньковых пролягут через Оренбургскую губернию. Воронежская и курская ветви Паньковых (возможно, Паньковы переселились в Курскую губернию из Воронежской губернии) осваивали также среднеазиатские владения России: Семипалатинскую область, г. Ташкент, Фергану. Одна из курских ветвей Паньковых обосновалась в Томской губернии в Змеиногорском у. д. Золотуха. (район расселения старообрядцев «поляков», и это еще одно косвенное подтверждение польских корней рода Паньковых), другая – в Барнаульский уезд, в г. Камень-на-Оби²³.

Из Курской губернии в Приморье переселилась большая группа старообрядцев-поморцев: Царевых, Безъязычных, Тарасовых, Богачевых. У местных старообрядцев они получили название «кураки»²⁴. Местом выхода нескольких семей поморцев были указаны д. Кошлакова и Дмитриевка (ныне Белгородская обл.). Огромную роль в распространении старообрядчества в белгородском крае сыграл основанный в с. Кошлаково поморский монастырь, ставший на долгое время значительным духовным центром старообрядчества²⁵. Вызывал удивление тот факт, что старообрядцы поморского согласия, переселенцы из Курской губернии, по прибытии остановились и некоторое время проживали в селе Петропавловке на Даубихэ у часовенных старообрядцев и даже роднились с ними. Позднее они отселились в с. Шкляево.²⁶ Если предположить, что они земляки по более раннему месту выхода (из Ветковско-Стародубских слобод), то все встанет на свои места.

Со временем разрешилась еще одна загадка. Нам было известно, что семьи старообрядцев Владимировых были единственными в «даубихинской» группе переселенцами из Санкт-Петербургской губернии. По тому же Сенатскому Указу 1735 г. тех, кто утверждал, что места прежнего жительства не помнит, следовало отправлять в Петербург для поселения в Ингерманландии (Ижора). Возможно, Владимировы были высланы туда. В 1708 г. Ингерманландия вошла в состав обширной Ингерманландской губернии и в 1710 г. переименована в Санкт-Петербургскую

23 «Паньковы по регионам России и мира», from www.pankov.narod.ru.

24 ПД ПГОМ 1995. С. 38

25 Л.В. Хирьянова. К истории белгородского старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность: музей истории и культуры старообрядчества. Вып. 12. М., 2008. С. 48–50, from <http://www.anti-raskol.ru/pages/1256>.

26 ПД ПГОМ 1995. С. 38.

губернию²⁷. Кстати, фамилия Владимировых совпадает с «польским» списком старообрядцев.

С выгонками старообрядческого населения из Ветки и Стародубья связана история еще одной приморской группы старообрядцев – федосеевцев из Житомирского уезда Волынской губ. «Поморские общины Правобережной Украины в отличие от восточных общин своим происхождением связаны с Беларусью, в XVIII–XIX веках среди них преобладали федосеевцы. Основной поток переселенцев был непосредственно связан с Ветковскими выгонками 1734 и 1764 годов, а также с движением старообрядцев из Прибалтики. Направление расселения шло примерно по линии рек Северная Двина – Березина, далее Волынская, Подольская губернии и дальше в Бесарабию и Румынию. Наиболее компактно федосеевцы и поморцы расселились в окрестностях Житомира, где ими было основано несколько сел»²⁸. В Приморье старообрядцы-федосеевцы начали переселяться из Житомирской губернии, из с. Пятидуб, г. Мамедь, в 1907 г. Обосновались они в с. Ивановичи Саровской волости Приморской области (217 мужчин, 119 женщин), в с. Стольное Тихоновской волости Приморской области (379 человек). Расселение старообрядческих семей из сел Стольное, Ивановичи в связи с коллективизацией происходило с 1930-х по 1954 гг. Уезжали по ближним хуторам и поселкам (Картун, Рошино, Новопокровка, Иман), в Амурскую область. Большая часть старообрядцев оказалась со временем во Владивостоке²⁹.

Территорией, генетически связанной с Веткой, было Среднее Поволжье. По манифесту Екатерины II в 1762 г. на р. Ирғиз были выделены земли для поселения старообрядцев, пожелавших вернуться на родину. Им было дано официальное разрешение на проведение богослужений по старому обряду и по дониконовским книгам. Появились старообрядческие селения, скиты и монастыри. Инок Сергием (Юршевым) с Ветки была перенесена походная полотняная церковь и антиминс, что возвысило авторитет Ирғизских монастырей. За время своего существования (1783–1828 гг.) Ирғиз превратился в самый крупный центр

27 И.Н. Юркин. «От города до города на прежних жилища», from <http://samstarbiblio.ucoz.ru/publ/110-1-0-315>.

28 А. Безгодов. Христиане-поморцы Украины: краткий обзор и постановка вопроса, from <http://aleko.starobrad.info/2008/01/10/xristiane-pomorey-ukrainy-kratkij-obzor-i-postanovka-voprosa/>.

29 В.В. Кобко. Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX в. – 30-е гг. XX в.). Владивосток, 2004. С. 43–44.

старобрядцев-беглопоповцев. Покровительственное отношение Павла I способствовало возвышению Иргиза. Началом упадка иргизских монастырей стало ужесточение государственной политики по отношению к старобрядцам во времена Николая I. Они были лишены права иметь легальное священство, было запрещено выдавать священникам паспорта для беспрепятственного передвижения по России. Тогда впервые и появилась мысль об учреждении святительского престола за границей³⁰. В период с 1829 по 1841 гг. произошел насильственный перевод монастырей Иргиза в единоверие. После разгрома Иргизских монастырей усиливается влияние Хвалынска, куда направлялось множество беглых старобрядческих семей из Иргиза. Здесь в нескольких километрах от Хвалынска с 1865 г. начал складываться новый центр – Черемшаны.

Места ближнего окружения Иргизских монастырей (Хвалынский уезд Саратовской губернии и Николаевский уезд Самарской губернии) были главным средоточием старобрядческих поселений в Поволжье. Именно они дали наибольшее количество переселенцев в Приморье. При сравнении списка фамилий старобрядцев, переселившихся в Приморье из Самаро-Саратовского Поволжья (50 фамилий), со списками фамилий «поляков» и забайкальских семейских установлено 24 совпадения, т. е. почти 50% – настолько силен был «ветковский» компонент у выходцев из Среднего Поволжья.

В 1820–1860 гг. конфессиональная ситуация в Поволжье стремительно менялась. С 1820-х гг. начинается усиленное и зачастую насильственное распространение единоверия. Среди приморцев из Среднего Поволжья (более раннее место выхода – Ветка) было немало единоверцев, позже присоединившихся к часовенным. В.С. Калугин: «Отец рассказывал, что Калугины раньше были единоверцами. Часовенные все какую-то свободу искали... На Дальнем Востоке их много было»³¹. В Поволжье в близости от крупнейших старобрядческих поповских и беглопоповских центров Керженца, Ветки, Стародубья, Иргиза, Черемшан самым распространенным было поповское / беглопоповское согласие.

В 1846 г. поиски старобрядцами поповского направления увенчались успехом: в Белой Кринице состоялось присоединение босно-сараевского митрополита Амвросия к старобрядчеству. С

³⁰ Старобрядчество. Лица, события, предметы и символы. М., 1996. С. 127.
³¹ ПД ПГОМ 2008. С. 61.

этого времени начинается размежевание поповского направления. Большая часть поповцев Поволжья, в том числе и Николаевского уезда, приняла священство Белокриницкой иерархии, из которой многие потом вышли.

Почти одновременно происходит переход старобрядчества от беглопоповства к беспоповскому состоянию. Одной из форм беглопоповства были так называемые «беглопоповские беспоповцы» или «киргизские беспоповцы», утратившие священство после разгрома иргизских монастырей. Причастие у них было заменено Божьявленской водой. Особенно много было их в Николаевском уезде в сс. Кымелика, Елховка, Екатериновка, Каменка и др.³². Многие старобрядческие семьи, переселившиеся в Приморье из этих мест, принесли с собой эту традицию.

Одним из важных побудительных мотивов к переселению на Дальний Восток старобрядческих семей, не принявших священство Белокриницкой иерархии, по-прежнему оставался поиск Беловодья. Долгое время (со второй половины XVIII в.) пути искателей Беловодья, совпадая с общероссийскими миграционными потоками, вели на Алтай. Незведанный край и слухи о свободном житье там старобрядцев притягивали туда все новых искателей-колонистов. Наиболее напряженные поиски Беловодья относятся к 1850–1880 гг. В это время мог сложиться «опоньский» вариант легенды о Беловодье, формирующийся под влиянием слухов об освоении Курил, Сахалина³³. Присоединение окраинных восточных территорий Приамурья и Приморья легло на благодатную почву. Для старобрядцев эти территории удачно соединяли в себе все знаковые приметы искомой земли: географическое местоположение на крайнем востоке страны, близкое к появившемуся новому ориентиру поисков Беловодья – «Опоньскому царству», удаленность, неизведанность и пустынность, пограничье, а также обещанные льготы, свободные земли, таежные богатства.

Именно в волжской группе нами зафиксировано наибольшее количество воспоминаний о поисках Беловодья. Так, Григорий Давыдов, родом из Самарской губернии, д. Черные Ключи, уходил на поиски счастливой земли на Сыр-Дарью (одна из малоизвестных легенд о р. Дарье). Род Давыдовых переселился

³² И.Г. Будкина. История старобрядчества в Самарской губернии. Ч. 1–4, from <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/44-1-0-854>; <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/44-1-0-855>; <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/44-1-0-856>; <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/44-1-0-857>.

на северное побережье Приморья в 1900-х гг., прожив до этого несколько лет в Амурской области. Давыдовы, Васильевы, Савельевы были одними из самых активных и последовательных поисковиков легендарного царства в Японии. После окончания русско-японской войны в 1910-х гг. они отправились из Владивостока, поселились в местности Сасанагарэ рядом с горячим источником. О подробностях жизни наших земляков там мы узнаем из статьи японского ученого Е. Накамуры: «Из района Синкава (район в Хакодате) в октябре 1914 г. в деревню Дзэникамэдзава на х. Сасанагарэ переселились русские выходцы из Владивостока Ф.Д. Савельев, его жена Ксения, дочь и родственник Аким Павлович Васильев с женой Феклой... Он (Васильев) случайно услышал, что на востоке есть «Белый свет» и приехал в Хакодате в поисках этой фантастической страны... Вскоре Васильев убедился в том, что нашел «Белый свет» в Сасанагарэ и стал звать с родины своих друзей-староверов»³⁴. Более того, сама идея поиска Беловодья создала группу, состоящую из нескольких старообрядческих семей Самарской губернии, которая большую часть своей жизни посвятила поискам праведной земли, в том числе и за рубежом в 1930–1940-х гг.³⁵

Полевые дневники, архивные документы и опубликованные материалы позволили проследить продвижение волжских групп из родных мест до Камчатки. В 1864 г. мещанин г. Николаевска Максим Софронович Власов и следующие с ним два крестьянина Николаевского уезда, доверенные от 500 душ крестьян Самарской губернии, отправились ходаками на Амур для подыскания мест для переселения. В 1867 г. в ГУВС были зарегистрированы прошения о переселении в Амурскую область от жителей г. Николаевска Самарской губернии Максима Власова, Ивана Павлова, Ивана Маркова, Зиновия, Кондратия и Степана Храмовых, Ивана Софронова, Прасковьи Игнатьевой, а также крестьян Александра Романова, Филиппа Козьмина, Павла Мартемьянова, Лаврентия Ефремова и Прокопия Павлова из сел Таволожки, Пузановки, Кымелика Самарской губернии и с. Селитьба Саратовской губернии³⁶.

33 К.В. Чистов. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 319.

34 Е. Накамура. Староверы в Японии // Skupiska staroobrzadowcow w Europie, Azji i Americ. Polska akademia nauk. Instytut slawistyki. Warszawa, 1994. С. 218; ГАПК. Ф. 1588. Он. 3. Д. ПУ-7048. Т. 3. Л. 227–236.

35 ПД ПГОМ 2008. С. 75.

36 Ю.В. Аргудьева. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 70.

Почти все фамилии имеют совпадения с «польскими» и забайкальскими фамилиями, т.е. также «ветковского» происхождения. Вполне возможно, что переселившиеся семьи принадлежали к старообрядцам, приемлющим священство Белокриницкой иерархии. Фамилии Власовых, Игнатьевых упоминаются в Метрической книге Владивостокской старообрядческой церкви во имя святителя Николы. Причем однофамильцы или родственники Игнатьевых из Николаевска, приморские Игнатьевы, были выходцами из Бессарабской губернии, г. Аккермана³⁷. Известный на Дальнем Востоке лесопромышленник и рыбопромышленник Ефрем Алексеевич Власов был уроженцем Николаевска Самарской губернии³⁸. Его предки, вероятно, переселились туда из Гомельской губернии (там проживали его ближайшие родственники) – района, расположенного в непосредственной близости к Ветке. Впервые Ефрем Алексеевич Власов побывал на Дальнем Востоке еще в 1904–1905 гг. В эти военные годы московская старообрядческая архиепископия нашла возможность послать на фронт священников (о. Димитрия Смирнова и сопровождавших его священников), чтобы «дать духовное утешение по старому обряду участникам русско-японской войны»³⁹. В их числе был Е.А. Власов. По воспоминаниям его дочери, «в юных годах его отправили в семинарию в Санкт-Петербург..., а потом сопроводить священника...»⁴⁰. Сегодня мы знаем, что священником, возглавившим эту миссию, был о. Димитрий Смирнов. После поездки Ефрем Алексеевич остался во Владивостоке. С этим городом будет связана жизнь его семьи. Неизвестно, по какой причине он не продолжил службу в сане священника, но по-прежнему оставался близок к церкви, являясь инициатором и одним из самых крупных жертвователей на строительство старообрядческой Свято-Никольской церкви во Владивостоке. В конце 1920–1930-х гг. он тайно эмигрировал в Японию через Китай, был владельцем

37 РГИА ДВ. Ф. 1646. Оп. 3 Д. 7. Л. 1 об. – 2.

38 Н.В. Керчелаева. Предприниматель Ефрем Власов // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Материалы второй международной научной конференции. Владивосток, 2000. С. 80.

39 Е.М. Юхименко. Письма старообрядческого священника Димитрия Смирнова с русско-японской войны 1904–1905 гг. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Материалы четвертой международной научной конференции. Владивосток, 2004. С. 46–59.

40 Архив автора. Письмо А.Е. Воробьевой к В.В. Кобко от 14.01.1998 г.

ресторана русской кухни и магазина в Йокогаме. В 1945–1946 гг. перебрался с семьей в Сан-Франциско, где основал крупную фирму по производству рыбных деликатесов, имел предприятия на Аляске и Канаде. Умер в возрасте 92 лет в г. Сан-Франциско⁴¹.

Миграционные пути волжских старообрядцев проходили кожным маршрутом через Уфимскую губернию, Южный Урал, Омск, Барабинские, Кулундинские степи, Акмолинскую, Семипалатинскую области, южный Алтай, Забайкалье, Амурскую область, Приморье.

Так, например, семья Герасимовых («старинная» фамилия их Гаранины) из с. Селитьба Саратовской губернии прошла по маршруту в Амурскую область через Омск; семьи Крайновых из Саратовской губернии – через Омск, Верхний Уймон, Семипалатинск; семьи Зажигалкиных из с. Кымелика Самарской губернии – через Бичуру Забайкальской области; Фроловы, Калугины – из Самарской губернии через Ташкент⁴². Семья старообрядцев Паньковых, уже упоминавшаяся нами, также из Самарской губернии, с. Николаевки, проходит маршрутом через Ташкент. Замечу, забегая вперед, что группа семей из Николаевска вместе с земляками по Самарской губернии, добравшись до Амурской области, через короткое время решила вернуться назад, но не на родину, а в Семипалатинскую область к г. Усть-Каменогорску, в район расселения «поляков». В составе группы семьи Шейкина Федора Ивановича, Абросимова Ивана Кирилловича из д. Загорной Селитьбы Зейской волости Амурской области; Власова Нила Евтифьевича, Семина Прокопия Ивановича, Храмова Ивана Зиновьевича, Красковы – из Николаевки Бельской волости Амурской области⁴³.

В 1866–1867 гг. переселенцами со Средней Волги (большая часть из Самарской, Саратовской губерний), а также из Оренбургской и Пермской губерний в Амурской области на р. Белой была основана д. Николаевка (вероятно, топоним перенесен)⁴⁴. По разным источникам удалось установить, что до 1910 г. в Николаевке жили Герасимовы, Зажигалкины, Свиридовы, Кожины, Елькины,

41 Н.Б. Керчелаева. Предприниматель Ефрем Власов // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Материалы второй международной научной конференции. Владивосток, 2000. С. 78–89.

42 ПД ПГОМ 2008. С. 23–30, 45–54, 38–45, 60–120, 93.

43 РГИА ДВ. Ф. 704 Оп. 4 Д. 2401. Л. 9–10.

44 From <http://www.amur-ivanovka.narod.ru/aul/nikolaevka.htm>; <http://www.chitalnya.ru/work/121676/>.

Шишкины, Васильевы, Козьмины, Власовы, Бахиревы, Шейкины, Фроловы, Кузьмины, Семины, Красковы, Кустовы, Глуховы, Никифоровы, Храмовы⁴⁵.

В 1910-х гг. в Николаевке Амурской области начался настоящий бум переселений. Часть переселенцев связывают свои надежды на лучшие неизведанные земли с Камчаткой. Их пути проходили через Приморье. Одними из первых попали на Камчатку переселенцы из Поволжья и Вятской губернии, жившие в более ранний период в Амурской области и Южно-Уссурийском крае. Молодежь призывного возраста из Николаевки Амурской области, а также из Южно-Уссурийского края в 1912 г. переселяется на Камчатку в надежде избежать воинского призыва, получив переселенческие льготы: Яков Васильевич Мартюшев (из Вятской губернии), Евстафий Никифорович Власов, Емельян Иванович Герасимов и Антон Игнатьевич Подрезов (переселенцы из Самарской губернии). Судя по сведениям полицейского управления, в тот же год Е. Власов был выслан в Благовещенск в уездное по воинской повинности присутствие, трое остальных, по мнению полицейского управления, как переселенцы, «хотя и должны пользоваться отсрочкой, но ввиду военного времени и досрочного призыва» лишаются этого права. Непонятно, как удалось им избежать призыва, но в 1915–1916 гг. их имена упоминаются среди жителей того же с. Пекуки: Фотей Калугин, Игнатий Крайнов, Евстафий Власов, Степан Оборин, Яков Мартюшев⁴⁶.

Часть волжан, как сказано ранее, повернула назад, к Усть-Каменогорску. И, наконец, еще одна большая группа семей из Николаевки переселилась в Благовещенск: Власовы, Зажигалкины, Фроловы, Кузьмины, Семины, Кустовы, Глуховы, Герасимовы. Многие из этих семей были весьма зажиточными, владельцами многих рыбалок и даже, по воспоминанию родственников, небольших пароходных компаний⁴⁷. Управление ими, организационные

45 РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 4 Д. 2305. Л. 3; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2279. Л. 1–2; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2276. Л. 1–4 об.; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2666. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2635. Л. 1–2; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2633. Л. 1–2; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2401. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2420. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2364. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2363. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2355. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2301. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 4324. Л. 5–6.

46 РГИА ДВ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 110. Л. 276, 277, 278, 281, 281 об.; Там же. Л. 110 об. – 111.

47 РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 4. Д. 2305. Л. 3; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2279. Л. 1–2; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2276. Л. 1–4 об.; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2666. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2635. Л. 1–2; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2633. Л. 1–2; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2401. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2420. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2364. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2363. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2355. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 2301. Л. 1; Ф. 704. Оп. 4. Д. 4324. Л. 5–6.

проблемы было проще решать в административном центре Амурской области. Некоторые из этих семей впоследствии окончательно переселились на Камчатку и Сахалин.

Переселения больших групп старообрядцев из Поволжья в Амурскую область в конце 1850 – 1890-х гг. происходят, в основном, напрямую, без длительных транзитных остановок. Оттуда в 1860–1870-гг. небольшими дисперсными группами переселяются в Приморье. Новые переселения волжан из Амурской области на северное побережье Приморья происходят в 1900-х гг. Так, в 1908 г. в с. Кхуцине (ныне с. Максимовка Тернейского района) обосновались на постоянное место жительства самарские переселенцы – Давыдов Ефим Никитич, Давыдов Степан Лазаревич, Давыдов Григорий Лазаревич, Давыдов Лаврентий, Нагорнов Михаил Филиппович, Токарев Иван Владимирович, Заглядин Лев Андронович, Санников Фотей Митрофанович, Зиновий Светляков⁴⁸. Самые поздние переселения волжских старообрядцев на северное побережье произошли уже в период 1920–1930-х гг. с началом коллективизации.

Другой группой с высоким содержанием «ветковского» компонента стали переселенцы из Томской губернии. К концу 1890-х гг. (1898–1900) центральная территория Южно-Уссурийского края по долине р. Даубихэ была частично заселена часовенными старообрядцами, региональный состав которых был представлен волжским, вятским компонентами с высоким содержанием «ветковского». Теперь пришла очередь заселения огромной территории по долинам рек: Улахе (ныне р. Уссури) с ее притоком Фудзин (ныне р. Павловка), Уссури, Судзухэ (ныне р. Киевка). Сюда и перебрались старообрядцы из Томской губернии, сделав транзитную остановку в Амурской области длиною в 20 лет. Их региональный состав был намного сложнее «даубихинской» группы. Так, в «улахинской группе» старообрядцев, расселившейся по р. Улахе (сс. Варпаховка, Кокшаровка, Каменка), наряду с алтайской составляющей, особенно силен был

48 Давыдовы (Самарская губ.): ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ–7048. Т. 4. Л. 79; Т. 3. Л. 62; П. д. № 12. С. 36; Заглядины (Самарская губ.): ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ–7048. Т. 4. Л. 188–189, 226; Нагорновы (Уфимская губ.): ПД ПГОМ 1993. С. 72; Токаревы (Уфимская губ.): ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ–7048. Т. 1. Л. 271; Санниковы (Уфимская губ.): ПД ПГОМ 2002. Ч. 1. С. 7, 41; Светляковы (Уфимская губ., более раннее место выхода Самарская губ.): ПД ПГОМ 1999. С. 25, 44; ПД ПГОМ 2002. Ч. 1. С. 11.

уральский и вятский компоненты. В старообрядческих семьях, расселившихся по реке Судзухэ, явно преобладал алтайский компонент.

Основная масса старообрядческих поселений Томской губернии, откуда происходили наиболее частые и многочисленные миграции в Приморье, была расположена на большой территории, охватывающей районы Среднего и Верхнего Приобья с преобладанием в районе Верхнего Приобья, на территории между Бийском и Горно-Алтайском. Количество поселений по направлению к юго-западу, в сторону города Усть-Каменогорска, было меньшим. Они проживали в сс. Белый Ануй, Б. Речка (Мостовая), Кислогольск (?), Туманово, Топольное Солонешенской вол. Бийского у., Алтайское, Усть-Уба, Анга (Ангудайское?), Кутора (Кутурок), Кустари (?), Шульгин Лог, Б. Кунича (?) (Каянча=Куяча=Канича), Айская, Платова, М. Бащелак, Куяган (Куяганская), Петропавловская, Алтайское, Комарово (Комар?) Алтайской вол. Бийского у., Тайна Сростенской вол. Бийского у., Южаково Бийской вол. Бийского у., Иня Бийского у., Карагайка Айской вол. Бийского у., Шипунова (Кураниха) Ануйской вол. Бийского у., Язовая Бухтарминской вол. Змеиногорского у., Усть-Козлуха Кольванской вол. Змеиногорского у., Верх-Уймон Уймонской инородческой управы и др.

Район Верхнего Приобья – зона активных контактов сразу трех этноконфессиональных групп: «толяков», «бухтарминских» и «уймонских» каменщиков.

Самый южный район Горного Алтая связан с вольнонародной колонизацией в 1740–1760-х гг. долин рек Бухтармы, Белой, Уймона, Коксы. Эти районы были накрепко связаны в народном сознании с легендой о Беловодье. Легенда подпитывалась и слухами о вольной жизни крестьян-старообрядцев – бухтарминских каменщиков. Эта группа сформировалась из старожильческого населения Северного и Южного Алтая в 1740–1760-х гг. в долине р. Бухтармы Горного Алтая. Основными регионами выхода «каменщиков» исследователи считают северорусские территории и Пермскую губернию⁴⁹.

Вопрос об этногенезе конфессионально-этнической группы уймонских старообрядцев (XVIII – начало XX вв.) и сегодня вызывает у исследователей немало споров. В ее формировании, по

49 Е.Ф. Фурсова. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – XX вв.). Новосибирск, 1997. С.17.

их мнению, участвовали различные группы старообрядцев: старожилы Алтайского горного округа, бухтарминские старообрядцы, основатели с. Усть-Кокса. Н.И. Шитовой небезосновательно высказывается предположение о том, что первопоселенцы Уймона являлись выходцами из средней полосы Европейской России⁵⁰.

В 1760-х гг. после второй выгонки из Ветки в район долин рр. Убы, Ульбы была поселена большая партия ветковских старообрядцев – «поляков». Они образовывали новые поселки и подсеялись в старые: Екатерининка Александровской волости; Шемонаиха, Лосиха (Верх-Уба), Секисовка Владимирской волости; Бобровка Бобровской волости, Малая Убинка, Быструха Владимирской волости; Черемшанка, Бутаково Риддерской волости и некоторые другие.

Другие места выхода старообрядцев из Томской губернии в Приморье были расположены в основном в районе Среднего Приобья: на территориях к северо-западу, к Барнаулу, Камюна-Оби, Барабинской степи, р. Оми по направлению к Зауралью, Сибири (Туринский, Тобольский, Тюменский округа). Т.С. Мамсик успешно доказала, что территория Среднего Приобья генетически связана с территорией Среднего Поволжья, вятскими и предуральскими территориями⁵¹. Сопоставление нашего списка алтайских переселенцев в Приморье (из числа тех, чьи родственные семьи делали длительную или короткую транзитную остановку в Томской губернии) со списком крестьян-старообрядцев из района Среднего Приобья, составленным Т.С. Мамсик⁵², дало немалое количество совпадений: Бобровы, Быковы, Власовы, Вялковы, Горбуновы, Грибовы, Гуляевы, Ждановы, Жуковы, Ильины, Казаковы, Казанцевы, Кайгородовы, Киселевы, Кудрины, Кузнецовы, Лушниковы, Макаровы, Малаховы, Маметьевы,

50 Цит. по: Н.И. Шитова. Этническая история старообрядцев Уймонской долины Горного Алтая в старообрядческих нарративных источниках (по материалам рукописей Т.Ф. Бочкарева), from http://www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=104.

51 Т.С. Мамсик. Поволжье и Приобье: очаги раннего культурного взаимодействия. XVII – середина XIX в., from <http://history.nsc.ru/kapital/project/kotel/004.html>.

52 Общий указатель фамилий жителей волостей (Кайлинской, Кривошековской, Чаусской, Бердской волостей) составлен по 3-м книгам: Т.С. Мамсик. Бердская волость: По материалам массовой статистики 20-х гг. XIX в. Новосибирск, СО РАН, 2004; Она же. Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1827 г. Новосибирск, СО РАН, 1998; Она же. Чаусское Приобье: Население и хозяйство: Опыт ретроспекций по материалам XVII–XIX вв. Новосибирск, СО РАН, 2009, from <http://forum.vgd.ru/post/602/25413/p1085199.htm#pp1085199>.

Малютины, Мурзинцевы, Нестеровы, Николаевы, Овчинниковы, Осиповы, Паньковы, Плешковы, Плотниковы, Полковниковы, Поповы, Пьянковы, Савельевы, Санниковы, Смирновы, Субботины, Томиловы, Третьяковы. Региональная история этих приморских семей также связана с Поволжьем, Вятской, Пермской губерниями.

Ономастический анализ фамилий переселенцев из Томской губернии показал, что «ветковский компонент» наиболее высок в семьях, переселившихся из района Бийск – Горно-Алтайск: 27,7%, и уменьшается по мере удаления от этого района в северо-западном, западном, северо-восточном направлениях до 12%, и наоборот, вятский и пермский компоненты увеличиваются в этих направлениях.

Наличие различных компонентов в томской группе свидетельствует прежде всего о том, что процесс движения этой группы на восток был длительным, возможно, в течение многих поколений, в отличие, например от волжской старожильческой группы, которая переселилась за жизнь одного поколения. Региональный состав группы отражает процессы ассимиляции с группами, входившими в зону ее проживания на территории Томской губернии.

По 8-й ревизии в Алтайской волости Бийского уезда Томской губернии проживали старообрядческие семьи⁵³:

Архиповы: В.-Каменская,	Ильиных: Ш. Лог;
Петропавловская, Сибирячиха;	Каверзин: Петропавловская,
Басаргины: Ш. Лог, М. Башцелак-	Сибирячиха;
ская, Чаргинская;	Казаковы: Теслицкая, В.-Камен-
Белуосовы: Слюдянская;	ская, Петропавловская;
Бердогоины: М. Башцелакская;	Казанцевы: В.-Айская,
Бочкаревы: Сычевская, Б. Башце-	Чаргичакская;
лакская;	Казаевы: В.-Каменская,
Быковы: Песчаная;	Петропавловская, Сибирячиха;
Воробьевы: Сычевская;	Кайгородовы: Карагуялинская;
Горбуновы: Солонешная;	Коневы: Ш. Лог;
Гордеевы: Петропавловская,	Коробейниковы: Н.-Каменская;
Сибирячиха;	Коровины: Сетовка, Н.-Каменская;
Долгих: Н.-Тырышкина,	Кочевы: Кокшина;
Теслицкая;	Красиловы: Ш. Лог;
Замятины: Сетовка, Кокшина;	Красковы: Н.-Каменская,
Зотевы: Солонешная;	Маралихинская;

53 Единый список семей поселений Алтайской волости Бийского уезда (8-я рев. 1834 г.), from http://tradiciynk.ucoz.ru/publ/iz_arkhivov/1834g_spisok_familij_zhitelej_altajskoj_volosti_bijskogo_uezda/9-1-0-35.

Кузнецовы: Куяганская, Белокуриха;	Пятковы: Куяганская;
Куликовы: Ш. Лог;	Рехтины: Солоновка, Сычевка, Песчаная;
Макаровы: Маралихинская, Петропавловская;	Семеновы: Сычевская, Сетовка, Куянчинская;
Максимовы: Петропавловская;	Сотниковы: Кокшина;
Микшины: Белокуриха, Солоновка;	Стариковы: В.-Каменская;
Молодых: Куяганская.	Старковы: Петропавловская;
Огневы: Ш. Лог, Петропавловская;	Третьяковы: Сетовка;
Осиповы: Ш. Лог, Петропавловская;	Фефиловы: Солоновка, Сычевка;
Останины: Ш. Лог;	Фоминых: Кокшина;
Пичугины: Н.-Каменская,	Хромцовы: М. Ващелакская;
Солонешная, Б. Ващелакская;	Худяковы: Солоновка;
Плотниковы: Н.-Каменская,	Черепановы: В.-Каменская, Петропавловская, Сибирячиха;
Солонешная, Б. Ващелакская;	Черновы: Ш. Лог;
Поповы: Кокшина, Теслицкая,	Шадрины: Солоновка, Н.-Камен- ская, Солонешная;
Сростенская, У.-Ишимская,	Шелеповы: Булатова.
Точильная, Куяганская, В.-Айская;	

Названные фамилии составляют 20% фамильного состава жителей Алтайской волости Бийского уезда, упомянутых в документе, и совпадают с фамилиями старообрядцев, переселившихся из Томской губернии в Приморье в разное время с 1890-х по начало 1930-х гг. При сравнении этого списка со списками «поляков» и «забайкальцев» выяснилось, что 50% фамилий совпадают, т. е. имеют «ветковское» происхождение. Такой высокий процент совпадений объясняется тем, что Алтайская волость была зоной активных контактов с «поляками». Так, жителем «поляцкого» с. Петропавловки (Томской губ. Бийского уезда) крестьянином Трифоном Казаковым и 47-ю его односельчанами была основана новая деревня Верх-Каменка на р. Каменке. Деревня Верх-Каменка со временем была переименована в Алтайскую и стала административным центром Алтайской волости. В ней жило много семей – будущих приморцев: Архиповы, Гордеевы, Каверзины, Казаковы, Коробейниковы, Красковы, Макаровы, Максимовы, Огневы, Осиповы, Стариковы, Шадрины, Черепановы, Старковы⁵⁴. Род Казаковых проявит себя и в Приморье. Казаковы наряду с Черепановыми, Шарышовыми будут стоять у истоков культурного разведения пятнистых оленей в Приморье. По

семейным преданиям, одна из ветвей Казаковых принадлежала к купеческому сословию. Во Владивостоке до недавнего времени еще стоял дом потомственного купца Казакова⁵⁵.

Южнее этих сел в Томской губернии находились деревни Тоурак, Б. Ануй, также давшие большое количество переселенцев в Приморье: Казаковы, Заглядины, Ощепковы, Рыбалевы, Диевы, Коколины, Пьянковы. Здесь же было и с. Басаргино – семейное гнездо знаменитого приморского рода Басаргиных. Последним местом жительства этого рода перед переселением на Дальний Восток было с. Шульгин Лог, откуда Басаргины со своим односельчанами переселились в Амурскую область в д. Малиновку, затем в Приморье⁵⁶.

Традиция Ветки, Иргиза оказала влияние и на формирование конфессионального состава старожильческого населения в Приморье. Самыми многочисленными в Сибири и на Дальнем Востоке были общины старообрядцев-часовенных. С переселением часовенных старообрядческих семей из Томской губернии количество их в Приморье многократно увеличилось. «Улахинская» и «даубихинская» группы часовенных были близки по своим религиозным воззрениям, отсутствию догматических разногласий, общим региональным прошлым. И все же, несмотря на это, с появлением переселенцев из Томской губернии в крае появились «иные» часовенные. Особенности формирования разных традиций часовенных сообществ проявятся наиболее ярко именно в Приморье и сохранятся до сегодняшнего времени.

Судьба одной из старожильческих групп – «даубихинцев» и частично «улахинцев» – связана с более длительным сохранением особенностей развития поповской традиции старообрядчества. Ветка, Стародубье были главными хранителями этой традиции за рубежами России, откуда оно распространилось по Восточной Европе. В результате разгрома Ветки множество последователей поповского / беглопоповского направления вернулись в Россию, пополнив ряды своих единоверцев в нескольких стратегически важных для продвижения России на восток территориях – в Поволжье (Иргиз, Черемшаны), Алтае, Забайкалье. С присоединением в 1846 г. босно-сараевского митрополита Амвросия к древле-православию вновь стало реальным возрождение и строительство трехчинной иерархии. Однако многие старообрядцы, присоеди-

54 Т.К. Щеглова. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, БГПУ, 2008, from http://vk.com/topic-23412631_27598118.

55 ПД ПГОМ 1992. С. 70.

56 ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3 Д. ПУ-6656. Л. 19, 19 об., 21, 21 об., 148, 267, 268, 271.

нившиеся к белокриницкой иерархии, постепенно отошли от нее или не приняли, продолжив поиск «истинного священства» на востоке страны. Этот вариант развития часовенного сообщества принесли в Приморье старообрядцы-переселенцы из Среднего Поволжья (бывшие ветковцы, иргизцы) благодаря быстрому переселению общин в Приморье. «Мы священством-то еще пахнем», – любят говаривать многие потомки «даубихинцев»⁵⁷. Территория их расселения в долине р. Даубихэ надолго, вплоть до 1930-х гг., станет территорией сохранения этой традиции: все, кто родился с «даубихинцами» или обосновывался на этой территории, вынуждены были подчиняться правилам и традициям «даубихинской» группы. «Вот эти алтайцы если приезжали... Там Чашшины, Постниковы, Анфилофьевы... Оне уже присоединялись к нашим, а не наши к имя. Оне влияния над Приморьем уже не имели»⁵⁸. Вынужденная тайная эмиграция большой группы старообрядческих семей из этого района в Маньчжурию в начале 1930-х гг. помогла сохранить традиции в неизменности. Там, в с. Романовке, с середины 1930-х гг. вновь объединились проживавшие разрозненно «даубихинские» семьи. С конца 1950-х гг. началась новая вынужденная эмиграция старообрядцев из Китая, способствовавшая распространению традиции по всему миру. Часть старообрядческих семей «даубихинцев», вернувшихся в СССР, попыталась обосноваться на родине, в Приморье. К сожалению, ходокам из этой группы, посетившим Приморье в 1970-х гг., стало понятно, что в крае уже давно ведущую позицию занимают последователи урало-сибирских часовенных. Выбор Хабаровского края как места для постоянного проживания общины и безопасного для сохранения своей традиции оказался более удачным. Переезд в села Тавлинка, Березовый большой и дружной общины стал заявкой на ведущую позицию среди небольших и разрозненных общин старообрядцев-часовенных урало-сибирского происхождения. Тем не менее новоселам еще не раз предстояло отстаивать свои традиции перед всем урало-сибирским старообрядческим сообществом часовенных, защищая их на нескольких соборах сибирских и дальневосточных старообрядческих общин начиная с 1984 г.⁵⁹ Сегодня община, осознавая

57 ПД ПГОМ 2008. С. 78.

58 ПД ПГОМ 2008. С. 81.

59 В.В. Кобко. Водосвятные обычаи: к вопросу о внутриконфессиональных различиях и полемике у старообрядцев Дальнего Востока, Америки, Австралии // Россия – Восток – Запад: проблемы межкультурной коммуникации. Ч. 2. История, философия, культура. Владивосток, 2009. С. 333–338.

свою «инаковость», продолжает мирное сосуществование с общинами часовенных старообрядцев на всей огромной территории Сибири и Дальнего Востока.

С Керженцем, крупнейшим и авторитетнейшим центром старообрядцев-поповцев в России, связана история формирования урало-сибирского старообрядчества. Там жил видный деятель староверия иеромонах Софонтий и его преемник, будущий руководитель уральского старообрядчества священник Никифор. Он покинул Керженец вместе со своими последователями из-за несогласия с керженскими и ветковско-стародубскими отцами, напрасно подозревая их в приеме священных лиц епископами-обливанцами. Уход последователей о. Никифора в уральские пределы под покровительство владельцев уральских заводов Демидовых происходил в условиях разгрома керженского центра в 1710 – 1720-х гг. Влившись в местные уральские и зауральские старообрядческие сообщества, керженские общины вынуждены были развиваться в условиях длительного отсутствия священнического богослужения. Со временем среди этих общин возобладала беспоповская практика, которая окончательно была закреплена Тюменским собором 1840.

Важнейшую роль в жизни старообрядческих общин играли скиты, монастыри. Для урало-сибирских старообрядцев наиболее авторитетными считались скиты, продолжившие традицию преемственности от иеромонахов Софонтия, Никифора в начале XVIII в. до Максима, Нифонта в начале XIX – конце XIX вв.⁶⁰ Эффективным и традиционным способом выживания скитов была частая смена убежищ, сопровождаемая земледельческим освоением новых и новых лесных участков. За время своего существования уральские скиты о. Нифонта сменили местопребывание в Кунгурском уезде Пермской губернии на Ялutorовский уезд Тобольской губернии в 1880-х гг., а после смерти о. Нифонта его преемниками о. Силуяном и о. Саввой скиты были перенесены севернее Томска к р. Чулым (ок. 1892 г.)⁶¹. Северные территории

60 Н.Н. Покровский. Урало-сибирские староверы-часовенные // Дни в Романовке. Японские фотографии, запечатлевшие русское старообрядческое село в Маньчжурии на рубеже 1930-х – 1940-х гг., из собрания Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева во Владивостоке. М., 2012. С. 44–51; Старообрядчество. Лица, события, предметы, символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 301–306.

61 Н.Н. Покровский. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 21.

Томской губернии связаны с поздними миграциями старообрядцев из Пермской губернии в конце XIX в. Разведка территории, подготовка к переселению скитов обеспечивались заранее ближним кругом доверенных старообрядческих семей. Точно такая же схема разведки, переселения (скитников) и основания скитов урало-сибирских часовенных будет продолжена и в Приморье на северном побережье в начале XX в. На севере Томской губернии сформировалось два района расселения старообрядцев. Один — на территории Парабель — Бакчар — Кривошеино на левобережье Оби, второй — в районе рек Чулым (Чулымский район), Чичкаюл и Улукул (Займочный район). Займочный район находился в пограничье Томского и Ачинского округов. К какому округу они принадлежали, зачастую многие обосновавшиеся там старообрядцы не знали. Клановая, конфессиональная, территориальная общности были главными при заселении новых мест. Эта территория была своего рода плацдармом для дальнейшего проникновения старообрядцев на р. Кеть. Старообрядцы сразу начали вести разведку и продвигаться на р. Кеть и к ее притокам⁶². В этих районах есть топонимы, связанные со старообрядческими приморскими родами: в правобережье Оби в самом верховье р. Кеть села Соломенниково, Суханово. Один из преемников о. Нифонта — о. Силуян с о. Антонием, о. Кириллой жили на Чульме. Отсюда путь о. Силуяна вместе с о. Гурием лежал «на открытое море» в Приморье. Ближний круг о. Кириллы, семья Шабуровых, также перевезет его после 1917 г. на северное побережье края⁶³.

Вряд ли можно считать случайным совпадением, что именно в это время из крупнейших улахинских деревень Каменки, Варпаховки, Кокшаровки Чугуевской волости в долину рек Пеи и Канца направились наиболее «стойкие хранители старых устоев», «христороубцы»: Плотниковы, Полонянкины, Мелкомукоты, Шабуровы, Чепкасовы, Куликовы, Чистяковы, Кокорины, Юрковы, Бакулевы. Это были представители больших богатых уральских и сибирских родов. Из их среды вышли известные представители старообрядческих общин края, знатоки «книжности». Нахождение в составе «улахинской» группы старообрядческих

62 Л.Н. Приль. Из земли Пермской в Сибирь с идеей самодостаточности // Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного изучения. Материалы научной конференции. Пермь, 2001. С. 248–256.

63 В.В. Кобко. Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX в. — 30-е гг. XX в.) Владивосток, 2004. С. 70.

семей с уральским региональным прошлым и перемещение их в Приморье было начальным этапом подготовки к появлению здесь урало-сибирских скитов. Долины рек Светлая, Пея, Канц стали особым районом Приморья. Здесь окончательно оформилось приморское пустынножительство. Места эти были почти необитаемы. Небольшие деревушки были наперечет: Верхняя Пея, Нижняя Пея, Канц. Хутора в 5–10 дворов были наиболее распространенным видом крестьянских поселений: хутора Семинский, Соломенниковых, Лошкаревых, Якунинский, Новожиловых, Киловой, Юрковых, Фунты. К началу 1930-х гг. на северном побережье Приморья существовало три монастыря: крупный монастырь в верховьях р. Пея (настоятель игумен Силуян, после его смерти о. Виларий). Второй монастырь находился в верховьях р. Бикин (настоятель о. Иоанн). Третий монастырь — в верстах 15-ти от х. Барановых (настоятель о. Савватий). Вокруг этих монастырей и объединялось старообрядческое население Приморья (часовенное согласие)⁶⁴. Во время массовых репрессий 1920 – 1930-х гг. монастыри были разгромлены. Со времени вынужденной тайной эмиграции в Китай в связи с репрессиями и коллективизацией большей части семей «даубихинской» группы в 1930-х гг. роль часовенных старообрядцев урало-сибирского происхождения стала определяющей в Приморье и сохраняется таковой до сегодняшнего времени.

Таким образом, в контексте формирования старообрядческого населения Приморья мы обозначили основные миграционные пути групп, генетически связанных с известными духовными центрами старообрядчества Веткой и Стародубьем. Материал позволяет увидеть, что помимо одномоментного прямого переселения больших групп старообрядцев из Ветки в 1760-х гг. — «поляков» на Алтай и «семейских» в Забайкалье, — на Дальний Восток двигались дисперсные потоки старообрядческих колонистов, имея в своем региональном составе значительный «ветковский» компонент. Переселенцы двигались на восток страны преимущественно южными путями. «Польские» и «семейские» острова-территории служили для этих потоков временными короткими или длительными транзитными остановками, во время которых

64 В.В. Кобко. Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX в. — 30-е гг. XX в.) Владивосток, 2004. С. 65–72.

происходило взаимодействие с другими этноконфессиональными группами старообрядцев. Родственно-земляческий и конфессиональный принципы продолжали оставаться главными механизмами формирования территориальных старообрядческих групп в Приморье.

Приложение

Сводный пофамильный список старообрядцев – переселенцев в Приморье

Старообрядцы-«поляки» (Алтай)	Старообрядцы-«семейские» (Забайкалье), в том числе старообрядцы, переселившиеся в Приморье из Забайкалья	Старообрядцы – переселенцы в Приморье из Томской губернии	Старообрядцы – переселенцы в Приморье из Поволжья
1	2	3	4
Абакумовы Абрамовы Абрашковы Авакумовы Агафоновы Аграмаловы Акинфеевы Александровы Алексеевы Ананьины Андреевы Андроновы Аникеевы Анисимовы Анисимовы Анофриевы Антиповы Антоновы Антроповы Анфиногеновы Арефьевы Артамонов Артамоновы Артемьевы Архиповы Афонасьевы	Авдеевы Аврамовы Агеевы Акимовы Акинфеевы Алексеевы Андреевы Анисимов Антоновы Арефьевы Артемьевы Архиповы Афанасьевы	Агаповы Агафоновы Антроповы Ануфриевы Архиповы	Андреевы Ануфриевы Архиповы

1	2	3	4
Бабины Балабыкины Балимской Барышниковы Басовы Батенковы Бедниковы Безработниковы Беловы Бирюковы Блиновы Богомолы Борисовы Бородулины Бояриновы Бояркины Бритоусовы Бугаковы Булыгины Бурыка Бурыкины	Байковы Баланевы Банины Банновы Безбородовы Беловы Белоноговы Белоусовы Беседины Богдановы Бондаревы Борисовы Будниковы Бутковские Бучасовы Быковы	Бабины Бакулевы Барановы Бартеневы Басаргины Безруковы Бердюгины Бирюковы Бобыльских Болтовские Бочаровы Бочкаревы Булатовы Буриковы Бутылевы Быковы	Безруковы Борисовы Бочкаревы Бредихины
Важенины Ванцовы Варфаломеевы Васильевы Власовы Волковы Володимеровы Воложенины Вяткины	Вавиловы Васильевы Ветошкины Вешняковы Вишняковы Власовы Власьевы Воробьевы Воронины	Валиховы Васюковы Венерцевы Виноградовы Владимировы Власовы Воробьевы Выголовы Вьюжанины (Южанины?)	Власовы Воробьевы
Гавриловы Галуза Галузины Ганович Герасимовы Глатковы Глухих Глухой Головановы Головины Голубицкой Гольцовы Гончаровы Горбатовы	Гавриловы Герасимовы Гладких Глоткины Голендухины Гончаровы Гордалионовы Гордеевы Гребенниковы Григорьевы Гусляковы	Голодяевы Горбуновы Гордеевы Гостевских Гостюхины Гребенщниковы Губушкины Гуляевы	Герасимовы Головины Гуськовы

1	2	3	4
Гордеевы Гореловы Гребенщиконы Гречюшниковы Григорьевы Губанковы Губины Губушкины Гусаковы Гусевы Гусяковы Гусяковы Гущины			
Давыдовы Дамевич Даниловы Дементьевы Демидовы Денисовы Дерибавдовы Деряба Дерябины Дмитриевы Дородновы Дородной Доронины Дорофеевы Друговы Дьячковы Дьячковы	Дмитриевы Долгой Дорофеевы Думной	Диевы Дмитриевы Долбилкины Долгановы Дороховы Дульцевы	Давыдовы Демидовы Долбилкины
Евдокимовы Евстафиевы Евтины Егоровы Екимовы Елизаровы Елисеевы Елистратовы Еловицковы Емельяновы Епифановы Еремеевы Ермолаевы Ерофеевы Ефимовы Ефремовы	Евдокимовы Евстихеевы (Евстихиевы) Евтихиевы Екимовы Елизаровы Емельяновы Еремеевы Ерофеевы Ефимовы Ефремовы		Ерофеевы

1	2	3	4
Жеденковы Жолнировы Жулины Журавлевы	Жирловы		Жигалкины
Закиркины Залуцкой Замятины Запаркины Звонцовы Зеленковы Зимовьевы Зиновьевы Зотовы Зубины Зубовы Зуевы	Зайцевы	Завгородние Зайковы Замятины Зарубины Зензины Зернины Зотеевы Зубакины	Заглядины Зажигалкины Заплетины Зотеевы
Иванов Игнатев Иклимов Ильин Исаев	Ивановы Игнатев	Ижболдины Иродовы	Ивановы
Каверзовы Казаковы Казызаевы Калинины Калуга Калугины Каменевы Каменевы Камнины Каратаевы Карповы Картавовы Картавой Картаевы Катаевы Кашкаревы Киреевы Кириловы Киселевы Китаевы Кичовы Кленовицкой Климентьевы Климовы	Кайгородовы Калашниковы Каменские Капустины Карпуга Киприяновы Кирилловы Киселевы Китаевы Климовы Климовы Ковалевы Козмины Козозаевы Кокорины Колесниковы Кондратьевы Кононовы Константиновы Корнеевы Корняковы Коробейниковы Коростелевы	Каверзины Казаковы Казанцевы Кайгородовы Калашниковы Каравановы Килины Кирияновы Кобелевы Коваленко Козловы Коколины Колесовы Комовы Кононовы Копейкины Копытовы Корниловы Коробейниковы Коровины Коростины Корягины Косачевы Копоновы	Казаковы Калугины Калякины Карайские Карповы Киршины Кожины Константиновы Корытовы Костины Кочевы Крайновы

1	2	3	4
Ковалевы	Косой	Красиловы	
Коваль	Кравцовы	Красковы	
Коверины	Красновы	Красных	
Кожевниковы	Кривошеевы	Красовы	
Кожемяка	Куренковы	Кривоноговы	
Кожемякины	Кушнеровы	Кузнецовы	
Козелковы	Кушнаревы	Кузьмины	
Козловы		Кулагины	
Козмины		Куликовы	
Козьяковы		Култаевы	
Колесниковы		Кулятины	
Кондратьевы		Куцеры	
Коноваловы			
Коноводовы			
Константиновы			
Копыловы			
Кореловы			
Корниловы			
Коробовы			
Королевы			
Коротины			
Короткевы			
Коротковы			
Корчемновы			
Корчемной			
Косовы			
Косой			
Косолаповы			
Костяной			
Кошперины			
Копечкины			
Копкины			
Краснобаевы			
Краснощековы			
Крековы			
Криворотовы			
Кривых			
Крюковы			
Кузмины			
Кузнецовы			
Кулаковы			
Куликовы			
Кульковы			
Куропатка			
Куропаткины			
Курочкины			
Кучкины			
Кушнеровы			

1	2	3	4
Лаврентьевы	Лаптевы	Лошкарёвы	Лапенковы
Лазаревы	Лемешевы	Лукиных	Лепешкины
Ларецкой	Леонтьевы	Лукьяновы	Лобовы
Ларионовы	Лощенковы	Льковы	
Ласкаевы	Лукьяновы	Лыткины	
Лебедевы		Лямзины	
Леоновы			
Леонтьевы			
Лименцовы			
Липатовы			
Лопатины			
Лохматовы			
Лукиановы			
Лукьяновы			
Лысовы			
Лютовской			
Ляховы			
Мазницыны	Макаровы	Макаровы	Максимовы
Макаровы	Максимовы	Максимовы	Маргиновы
Макарёвы	Мальцевы	Малаховы	Масаловы
Макридины	Малютины	Малютины	Мокроусовы
Максимовы	Марковы	Маргиновы	
Маловы	Масловы	Ме(и)нуховы	
Малофеевы	Матвеевы	Медведевы	
Марковы	Медведевы	Меньшиковы	
Мартиновы	Медведчиковы	Механошины	
Марфины	Месников	Микшины	
Маршалкины	Минаевы	Михеевы	
Масловы	Мироновы	Могильниковы	
Маслюковы	Михеевы	Можаевы	
Матвеевы	Могильниковы	Мокроусовы	
Матфеевы		Молодых	
Медведевы		Мурачевы	
Мельниковы			
Меркульевы			
Меркуриевы			
Мехковы			
Микулины			
Мироновы			
Мирсковы			
Михайловы			
Михеевы			
Могилевы			
Моисеевы			
Мосеевы			
Москатулины			
Могорины			
Мьгаревы			
Мяжковы			

1	2	3	4
Назаровы Назаровы Налимовы Настасьины Недобитковы Нестеровы Нестуц(ч)ановы Нечаевы Никитины Никифоровы Новиковы	Нестеровы Никитины Никифоровы Николаевы	Некрасовы Немкины Никитины Новожиловы	Нагорновы Наумовы Нестеровы Никифоровы
Обидины Обушниковы Овчинниковы Одинцовы Оксентьевы Онофриевы Онохины Орловы Осиповы Останиковы Отпахарев	Овчинниковы Онаньевы Осиповы Осташевы	Обуховы Овечкины Овчинниковы Огневые Опенышевы Орловы Осиповы Ошевы Ощепковы	Овчинниковы Олокины Орловы
Павловы Палчиковы Пановы Пантелеевы Панфиловы Парамоновы Пастушенковы Пестуновы Петровы Пименовы Пищальниковы Плотниковы Поздеевы Полубородовы Поляковы Понкратьевы Портновы Постушенковы Потаповы Поцелуевы Почекина Почелины Прозоровский	Павловы Пантелеевы Парфеновы Пахомовы Пекуновы Перелыгины Петровы Пискуновы Плешивой Плотниковы Поляковы Потаповы Потемкины Пузановы Пухаревы Пыкины	Павловы Паньковы Пермяковы Пилугины Пичугины Пле(я)совских Плешковы Плотниковы Поздеевы Полонянкины Польнины Поповы Пос(т)новы Постниковы Проскуряковы Пустоваловы Пучковы Пьянковы Пятковы	Павловы Паньковы Паняевы Пастуховы Поповы Прохоровы

1	2	3	4
Прокопьевы Прокофьевы Прохоровы Прохоровы Пузанковы Пузановы Путинцевы Путинцовы Пушкаревы Пыханцовы			
Рагушной Раковы Ратрягины Рачтенковы Ребинины Ретригины Родимушкины Родионовы Ролмановы Романовы Рохмановы Рудины Рыбаков Рывской Рыжков Рылевы Рыльский Рымар Рымаревы	Разины Разуваевы Ревцовы Родакины Родионовы Рыбаковы Рыжак Рыжаревы	Рехтины Рыбалевы	Реутовы
Савельевы Салины Самойловы Сафроновы Свахины Селиверстовы Семеновы Семибратовы Сергеевы Серовы Сидоровы Силины Симановы Синельниковы Ситниковы Ситный Скороходовы Скрипкины Скрытный	Савельевы Самсоновы Севастьяновы Селетковы Селивановы Семеновы Серкины Сергеевы Сидоровы Силины Симоновы Сластины Соколовы Солдухин Софроновы Спиридоновы Степановы Сучковы	Семеновы Семериковы Сергеевы Сизиковы Симаковы Сметанины Собины Соломенниковы Сотниковы Стариковы Старковы Старцевы Столбиковы Суковатицины Сухановы	Сазоновы Самаркины Санниковы Светляковы Селетковы Семенихины Семины Сидоровы Скрябины Сметанины Сотниковы Стуловы

1	2	3	4
Слесаревы Смедреевы Смирновы Смолеженковы Соколовы Сорокоумовы Софоновы Спиридоновы Старец Степановы Стерлятины Столаревы Строкатой Сусляковы Сутемовы Сухаревы Сухоруковы Сыкоевы Сысоевы			
Табуненковы Тарасовы Татьянины Телегины Теменюковы Теплухины Тепуновы Терпишниковы Тетенековы Тетюнниковы Тимофеевы Титовы Тихановы Тихоновы Треглазовы Трегубовы Третьяковы Трофимовы Туховы Трофимовы Тупнины Тюменцевы	Татьянины Терентьевы Титовы Тихоновы Ткачевы Травкины Трифоновы Тумановы Турчаниновы	Токаревы Токмаковы Третьяковы Туневы	Токаревы
Угрюмовы Устиновы	Ушевы		
Феденевы Федоровы Федотовы Феклистовы Филатовы	Фадеевы Федоровы Федотовы Филатовы	Фефеловы Фоминых Фунтиковы	Фай Федотовы Фроловы

1	2	3	4
Филимоновы Филипповы Фомины	Филлиповы Фомины		
Халамовы Хандины Ханович Харитоновы Харламовы Хромовы Хрусталева Худяковы	Хамины Харины Харламовы Хромых Худяковы	Хомяковы Храмцовы Худяковы	
Цекуновы		Цивилевы Цыганцевы	Цивилевы
Чащины Чеботковы Чевирины Чеманевы Черновы Черной Черный Чесноковы Чечура Чечюрины Чувилины	Чebuнины Челеев Черных Чернышевы Чистяковы	Чeбькины Чепкасовы Черемновы Черепановы Черновы Черпаковы Чужеумовы Чуклины	Чернышевы Черняевы
Шадрины Шайкины Шайкаревы Шарины Шаповаловы Шатыгины Шешенюковы Шматовы Шатыгины Шкодины Шешуковы Шапкины Шилкины	Шавкуновы Шалины Шарыповы Шелапугины Шерстобитовы Шиловы Шитиковы Шитины Шуровы Шурыгины	Шабуровы Шадрины Шарыповы Шахурины Шейкины Шелеповы Шерстобитовы Ширососовы Шишеринны Шишкины	Шатовы Шейкины Шокуровы
Щекуновы		Щербаковы Щегловы Щербаковы	
	Юрьевы	Югрины	Юдины
Яковлевы	Яковлевы	Язовские	Яковлевы Янины

V. Kobko
Vladivostoka, Krievija

**No Vetkas uz Tālajiem Austrumiem. Migrācijas ceļi un
vecticībnieku iedzīvotāju sastāva veidošanās īpatnības
Primorskas novadā**

Balstoties uz lauka pētījumu materiāliem, raksta autore detali-
zēti raksturo to vecticībnieku grupu migrācijas ceļus, kuri ģenētiski
ir saistīti ar ievērojamajiem vecticībnieku garīgajiem centriem Vet-
kā un Starodubjē. Apkopotie dati ļauj secināt, ka 1760. gados uz Tā-
lajiem Austrumiem migrēja ne tikai lielas vecticībnieku grupas – «poļi»
uz Altaju un «saimes» («semejskije») uz Aizbaikāla novadu – bet arī
vecticībnieku kolonistu dispersās plūsmas, kurās bija ievērojama
«Vetkas» komponente. Pētījumā tiek precizēta Primorskas novada
vecticībnieku iedzīvotāju sastāva veidošanās specifika.

V. Kobko
Vladivostok, Russia

**From the Vetka to the Far East. Migratory ways and
features of forming of the Old Belief population of Primorye**

In article are traced in details migratory ways of groups of the
Old Believers who are genetically connected with the known spiri-
tual centers of Old Belief Vetka and Starodubyem on the basis of
materials of field surveys and archive documents. Material allows
to see that in addition to one-stage direct resettlement of big groups
of Old Believers of the Branch in the 1760th – «Poles» to Altai and
«semeyskikh» in Transbaikalia, to the Far East disperse flows of Old
Belief colonists moved, having in the regional structure a conside-
rable «vetkovsky» component. Research allows to specify specifics of
forming of the Old Belief population of Primorye.

И.Л. Шевнин
Хабаровск, Россия

**ПОЛОЖЕНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ
В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ И КИТАЕ
В 1920–1930 гг.**

Историю старообрядческой церкви в разные периоды Россий-
ской истории в Китае и Северной Маньчжурии исследовали на
сегодняшний день несколько авторов: Ю.В. Аргудяева, Е.Н. Бе-
лошитская, С.В. Бураева, С.В. Васильева, А.И. Ванчев, о. Елисей
Елисеев, В.В. Кобко, В.Ф. Лобанов, М.Б. Сердюк, В.В. Тимофеев,
Е.М. Юхименко, Ц. Цукада.

Остаётся актуальным тезис о том, что современная истори-
ческая, этнографическая, церковная литература пока не даёт
полностью адекватного представления о положении старообряд-
ческой церкви в Китае и Северной Маньчжурии. Скорее можно
говорить, что имеются отрывочные сведения, порой, к сожалени-
ю, недостоверные (в Интернете).

Целью статьи является показать на некоторых примерах по-
ложение Древлеправославной Церкви (старообрядцев, приемлю-
щих Белокриницкую иерархию) в 1920–1930 годы на территории
Северной Маньчжурии, в Трехречье и Харбине, при различных
политических режимах.

В истории Древлеправославной церкви Христовой (старо-
обрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию) в Северной
Маньчжурии и Китае в эти годы можно выделить три периода.
Первый период – управление Китайско-Восточной Железной До-
рогой (КВЖД) русской администрацией до 1925 года, второй пе-
риод – совместное управление КВЖД советской и китайской ад-
министрацией, третий период – после образования государства
Маньчжу-Го.

Вначале, опираясь на материалы старообрядческих перио-
дических изданий, коротко остановлюсь на том, как начиналась
церковная жизнь в Северной Маньчжурии. Авторами статей в
журналах 1920–1940 гг. являлись священники и миряне Дре-
влеправославной Церкви Христовой, проживающие в Северной
Маньчжурии и Китае.